

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Ну почему после уборки, когда все разложено по местам, ничего невозможно найти?

Элеонора начала рыться в секретере и продолжила:

— А до наведения порядка, когда вещи были разбросаны, проблем не возникало! Отлично помню, что определила для визиток эту коробку. И что? Ваня! Почему ты молчишь, когда с тобой разговаривают?

Я постарался скрыть улыбку. Мне кажется, что сравнение женщины с прелестным цветком неверно. Дамы скорее похожи на афишу провинциального театра, единственного в городе. Репертуар у такой цитадели искусства весьма разнообразен. Утром — сказка для детей, днем — комедия, в полдник трагедия, а на ужин или драма, или эротическое шоу, или побег в койку с жалобой на головную боль. Настоящая женщина многолика и непредсказуема. Если приравнять слабый и сильный пол к техническим объектам, то мужчина — это тумблер.

Щелкнули им один раз, и агрегат начинает гудеть, шипеть, отсчитывать деньги. А женщина... она кабина управления космического корабля: повсюду кнопки, рычаги, клавиши, мигает тьма лампочек, приборы издают разные пугающие звуки. Если перед такой панелью сядет плохо подготовленный пилот, то у него начнется паника. Ну на что нажать, за какую ручку потянуть, чтобы корабль взлетел? Вчера вы ткнули корявым пальцем в красную кнопку, и она вас послушалась, корабль облетел вокруг Земли. Но ежели вы и сегодня ткнули тем же пальцем в ту же кнопку, то добьетесь другого эффекта: кабина загудит, затрясется, и незадачливого космонавта катапультирует без кресла на улицу, где на него, ошалевшего от такого приключения, накинется стая злых бродячих собак.

— Ваня, где визитка Ольги Михайловны? — повысила голос Элеонора.

— Кто такая Ольга Михайловна? — в свою очередь спросил я.

— Та, чью карточку я ищу, — уточнила моя бывшая хозяйка.

Прекрасное объяснение! Мне сразу стало понятно, чем занимается вышеназванная дама, сколько ей лет и насколько она хороша собой.

— И зачем только я решила разобрать секретер! — причитала Нора.

— У меня раз в десять лет тоже возникает желание навести порядок в письменном столе, — признался я. — Беру большой пакет, вытряхиваю в него содержимое ящичков, протираю их дно, устилаю бумагой, и на этой стадии мне надоедают хозяйственные хлопоты.

Я замолчал.

— Ну а дальше-то что? — потребовала продолжения Нора. — Ваня! Говори!

— Пакет с вещами из стола получает прописку в моем кабинете за шторой. Стоит укромно, глаз не режет. А ящики заполняются другим содержимым, — пояснил я.

— А если тебе понадобится что-нибудь из старого запаса? — спросила Нора. — Тогда как?

Я смутился.

— Честно говоря, я не помню, что у меня там хранилось. Но если вспомню про некую вещь, которая была в столе, просто залезу в пакет, пороюсь в нем и добуду ее.

Элеонора округлила глаза.

— Ты не выбрасываешь эти пакеты?

— Нет, а зачем? — удивился я. — Вдруг потребуется какая-то вещица.

— И где они стоят?

— За портьерами в кабинете, — повторил я, — их не видно.

— Типично мужское свинство, — рассмеялась Элеонора. — Голову на отсечение даю,

что в детстве, когда Николетта из вредности запрещала няньке убирать твою спальню и с криком «Мальчишка обязан учиться аккуратности» неслась в твою комнату, чтобы закатить тебе скандал, ты, Ваня, понимая, что на метле летит маман, живо запылесосил разбросанные игрушки под кровать, благо покрывало свисало до пола, и с невинным видом сел в кресло с книгой.

— Вы не ошиблись, — засмеялся я.

— Николетта заглядывала под койку? — прищурилась Элеонора.

— Нет, она меня ни разу не поймала, — ответил я.

— С моей бабушкой, царствие ей небесное, это не прошло бы, — сказала Нора, — она сразу под тахту заглядывала. Поэтому я...

Элеонора замерла, потом, воскликнув:

— Вспомнила! — ринулась к подоконнику, где на подставке, прикрытой салфеткой, сидел потрепанный плюшевый мишка.

Нора пересаживала Топтыгина на подоконник и сдернула салфетку. Я увидел большую далеко не новую картонную коробку.

Нора подняла крышку.

— Бабуля всегда заглядывала под кровать, но ей в голову не приходило посмотреть, на чем сидит Роджер Варфоломеевич.

— Так зовут медведя? — уточнил я.

— Ага, — по-детски ответила Нора и стала копать в содержимом коробки. — А еще бабушка говорила: «Порядок в столе — порядок в мыслях». Она требовала от внучек идеально-го содержания ящиков и поверхности стола. По этой причине свое барахло я хранила в коробке под Роджером Варфоломеевичем.

Я слушал Элеонору и понимал, что женщины еще более загадочны, чем я до сих пор считал. Ваш покорный слуга знаком с Норой много лет и наивно думал, что прекрасно знает характер владелицы детективного агентства. Не один год я исполнял обязанности ее секретаря, жил в одной квартире с ней, знаю, что она образованна, умна, воспитанна, не имеет привычки закатывать истерики. Нора не любит походы по магазинам, не болтает по телефону с подружками часами. Она прекрасный детектив, мой учитель, и уж поверьте, мне от нее никогда не доставались пряники. Если вспомнить известное выражение, то я получал только «угощение» кнутом. Но когда в моей жизни возникали сложные ситуации, первой на помощь терпящему бедствие секретарю всегда приходила Элеонора. Она выручала меня из беды, а потом щедро раздавала мне моральные оплеухи. Я думал, что она для меня открытая книга. И вдруг! Оказалось, что в романе есть непрочитанные главы. У железной леди есть

медведь Роджер Варфоломеевич, он сидит на коробке со всяким барахлом. А я-то всегда изумлялся порядку в ящиках стола Элеоноры. У нее он такой, как в тумбочке у солдата перед проверкой казармы местным начальством.

— Отыскалась, — ликовала Нора, показывая мне визитку, — держи.

Я взял картонную карточку. Да уж! Некоторые люди любят красоту! Не путайте с красотой. На ярко-розовом фоне золотыми буквами было написано: «Арманьяка. Избавлю от депрессии и любых проблем, открою будущее».

— Если это бутылка арманьяка, ближайшего родственника коньяка, то да, она может избавить человека от депрессии и многих проблем, — развеселился я, — а вот насчет предсказаний будущего я сомневаюсь.

— Ее так зовут, — объяснила Элеонора, — госпожа Арманьяка.

— Необычная фамилия, — отметил я.

Нора села в кресло.

— Вообще-то она Крынкина или Крыскина. Секундочку. — Элеонора нацепила на нос очки, взяла со стола планшетник и прочитала: — Экстрасенс, гадалка, предсказательница будущего, целительница, психолог, психотерапевт, коуч по самовоспитанию, астролог Арманьяка. По паспорту — Ольга Михайловна Булкина.

Я ухмыльнулся. Интересно, сия дама лечит зубы? Может, она и аппендицит может удалить?

— И почему я решила, что она Крынкина? Или Крыскина? — задумалась Нора. — Булкина...

— Может, потому, что в крынку наливают молоко, и многие любят его с булочкой употребить, — предположил я.

— А Крыскина откуда взялась? — дивилась Элеонора.

— Грызуны никогда не откажутся от булки, — сдерживая смех, пояснил я.

Нора постучала пальцем по столу.

— Ваня, у тебя сейчас много работы?

— Клиентов нет, — признался я.

Элеонора взяла телефон и через пару секунд заговорила:

— Ольга Михайловна, я обещала найти для вас лучшего детектива. Он готов побеседовать с вами. Иван Павлович загружен работой, но на мои просьбы всегда откликается. Господин Подушкин пообщается с вами и только тогда примет решение, возьмется ли он за ваше дело. Да, конечно, у него высшее образование, огромный опыт работы, собственное детективное агентство. Точную цифру не назову, но сыском он занимается более двадцати лет. Что?

В глазах Норы вспыхнул зловещий огонь. Я невольно втянул голову в плечи. В прежние годы я не часто видел такую реакцию хозяйки. Но если языки пламени начинали пляску, оставалось лишь надеяться на то, что огнемет направится не на секретаря, который совершил опрометчивый поступок, а плюнет огнем в другую сторону. Напалм сейчас определенно сожжет незнакомую мне Ольгу Михайловну, но я вспомнил годы службы у Элеоноры, поэтому и постарался спрятать голову.

— Уважаемая госпожа Булкина... — начала моя бывшая хозяйка.

Я мысленно пожалел гадалку. Чем спокойнее и ласковее говорит Нора, тем ужаснее ее гнев.

— Если вас не устраивает лучший сыщик России, сын великого, увы, покойного писателя Павла Подушкина и Николетты Адилье, которая сейчас замужем за олигархом из списка «Форбс», — завела Элеонора, — если вы полагаете, что я отправляю к вам пьянь подзаборную, которая явится в вашу квартирку в грязных калошах, то какого черта, любезная, вы обращаетесь ко мне за помощью? Оревуар!

Трубка упала на кипу бумаг. Я выпрямился.

— Что притих? — сердито спросила Элеонора. — Думаешь, что лишился клиентки? Ха!

Она сейчас перезвонит, перестанет размахивать веером из пальцев и заплатит в два раза больше, чем собиралась.

— Но... — заикнулся я.

И тут зазвонил телефон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Иван Павлович, — вкрадчиво начала Ольга Михайловна, — я специально пригласила вас в этот непопулярный, почти никому не известный ресторан, не хочу, чтобы о нашей встрече кто-либо знал. И надеюсь, что вы будете держать язык за зубами.

Я молча кивнул.

Булкина спросила:

— В каких вы отношениях с Элеонорой Андреевной?

— Она мой учитель, я работал у нее секретарем, — сообщил я правду.

— А-а-а, — протянула дама, — ваш стаж детектива свидетельствует о том, что вы умеете хранить чужие секреты.

— Частный сыщик, не способный хранить тайны своих клиентов, долго на рынке сыскных услуг не продержится, — ответил я.

Булкина поставила локти на стол, и я сразу понял, что у нее в детстве не было няни или гувернантки, которая бы с укоризной говорила:

«Ольга, девочка из приличной семьи никогда не позволит себе такую позу во время еды, даже если она трапезничает одна. Воспитанный человек не ковыряет пальцем в носу при посторонних, но и не прodelывает это наедине с собой».

— То, что я вам расскажу, является закрытой информацией для членов моей семьи, — говорила тем временем Булкина. — Давайте по порядку. Убедительная просьба ничего не записывать. Выключите телефон.

Я взял со стола трубку, на которую показала Булкина, и демонстративно выполнил желание клиентки.

— Теперь слушайте, — велела она и завела обстоятельный рассказ.

То, что она умеет читать чужие мысли, маленькая Олечка поняла еще в детстве. У девочки был скандальный, истеричный отец, готовый по любому поводу сорваться на крик. Мама частенько становилась объектом его гнева, потому что умудрялась просить у мужа деньги в самый неподходящий для этого момент. А вот семилетняя Оленька всегда чувствовала, тепло или холод исходит от Михаила Ивановича. Если вокруг него царил арктическая стужа, то надо было засесть в своей комнате и не высываться. Если же несло зноем, как в Африке, вот тут можно клянчить что хочешь, непременно

но это получишь. Сей талант очень помогал ей и в школе, и в институте. Один раз Оля пошла в цирк вместе со своей лучшей подругой Ларисой, паузы между номерами заполнял клоун. В какой-то момент он выкатил столик, поставил на него три коробки и объявил:

— Кто мне скажет, что в какой спрятано, тот получит роскошный приз.

— Та, что в середине, пустая, — крикнула Оля, которая сидела в пятом ряду, — в правой шоколадка, в левой... сейчас... сейчас... О! Там пропуск за кулисы. Вы после представления покажете победителю то, чего зритель не видит.

— Она подсадная, — заорали зрители.

После представления клоун нашел Олю в гардеробе и увел их с Ларисой за кулисы. Андрей Петрович, так его звали, познакомил Олечку с профессором-психологом, тот восхитился ее способностями и стал с ней заниматься.

Я молча слушал долгий рассказ, ожидая, когда Булкина доберется до сути дела. Плавное течение беседы прервал официант, который стал сервировать чай.

— Вы чернослив положили? — спросила моя собеседница.

— Конечно, он непременно входит в состав нашего фирменного напитка, — ответил парень.

— В прошлый раз его там не оказалось, — подчеркнула Ольга, — я опустошила чашку и поняла: что-то не так. Откройте крышку, хочу посмотреть.

Юноша безропотно выполнил просьбу, Булкина наклонилась над чайником. Мне стало смешно. Тот, кто придумал для Ольги Михайловны легенду ясновидящей от рождения, должен был предупредить ее, что роль прозорливицы, которая видит с пятого ряда кресел содержимое трех закрытых коробок, ей придется исполнять постоянно. Для провидицы вопрос «положили ли чернослив?» звучит весьма странно. Ее взгляд должен легко проникать сквозь фарфор и видеть, что внутри чайника.

Мне стало противно. Не люблю, когда обманывают людей, наживаются на чьем-то горе. В каких случаях доверчивый человек обращается к экстрасенсам всех мастей? Увы, чаще всего по печальному поводу: пропал родственник, и никто понятия не имеет, где он. Исчез ребенок, которого нерадивая мамаша оставила одного на улице. Невозможно пережить смерть любимого, очень хочется с ним поговорить. Наступило полное безденежье, нужен амулет, притягивающий богатство. Если вы счастливы, то навряд ли отправитесь выяснять свое будущее. К колдунам спешат,

когда что-то в жизни идет не так. А еще мне не нравится, когда меня держат за идиота, полагают, что я поверю в экстрасенсорные способности собеседницы и приду в восторг от общения с бабой, которая меня насквозь видит.

Официант ушел, Булкина продолжала рассказ и медленно, словно передвигаясь на хромой лошади, наконец добралась до сути.

У Ольги была подруга Лариса Гранкина, та самая, с которой Булкина ходила в цирк, где произошла судьбоносная встреча с клоуном. Девушки почти одновременно вышли замуж. У Оли родился Сережа, у Лары появилась дочь Тата. Мужья не выдержали испытания младенцами, они вскоре ушли из семей и пропали. Алиментов молодые матери не получали. Надо было как-то выживать, выходить на работу. А что делать с детьми? Сдать в круглосуточные ясли? Нет, нет. Женщины понимали, что малышам лучше дома. Выход придумала, как всегда, Ольга.

— Давай поселимся вместе в моих четырехкомнатных апартаментах, — предложила она, — а твою маленькую квартирку сдадим. Получим стабильный доход. Я буду работать, у меня много клиентов, а у тебя нет профессии, поэтому занимайся детьми. Я приношу деньги, ты ведешь домашнее хозяйство.

Так и стали жить, Ольга потом еще раз вышла замуж и развелась, а к Ларисе через годы вдруг вернулся ее бывший супруг. Она собралась рожать второго ребенка, уехала назад в свою квартиру. Говорят, что в одну реку нельзя войти дважды и новый снаряд в воронку от первого не попадает. Красивые, но часто неверные слова. Через три месяца после появления на свет сына Лара в истерике позвонила подруге. Муж заявил ей:

— У тебя на меня времени совсем нет, да еще нормально поспать теперь не удастся. Я устал.

И все, он хлопнул дверью. И снова Лара осталась без алиментов. Тата тогда уже пошла в первый класс. Лариса нашла работу, крохотного Сашу отдала в ясли. В восемь вечера младенца забирала Оля, она приносила мальчика домой, укладывала спать и уходила. Тата смотрела телевизор. Алик, так называли малыша дома, был спокойным, не капризным ребенком. Если братик начинал покряхтывать в своей кроватке, сестра давала ему потерянную во сне соску и опять садилась у телевизора. Никаких проблем не было. Прошло время, однажды Лариса, придя домой, услышала плач Таты. Девочка монотонно повторяла:

— Алик, проснись. Алик, проснись.

Мать кинулась на звук, нашла дочь в ванной, там же на полу прямо на кафельной плитке лежал мальчик. С одного взгляда Лара поняла, что сын мертв.

Ольга взяла чашку, сделала несколько глотков и продолжила:

— Это произошло летом. Мы с Сережей жили на даче. Мобильного телефона тогда не существовало, городского у нас не было. Чтобы кому-то позвонить, мы с сыном должны были сесть на автобус и доехать до маленького городка. Там в торговом центре стоял телефон-автомат. Но кому мне сообщать о себе новости? Родных нет, начальника тоже. Я экстрасенс, ясновидящая, астролог, работала с клиентами, из близких у меня была только Лара. А ее я предупредила:

— Лишний раз в городок не поеду. Автобус то ходит, то ломается. Туда доберусь, а обратно он не поедет. И Сережка всегда в магазине игрушки выпрашивает, усвистывают денежки. Если что случится, присылай телеграмму.

— Да что может произойти? — рассмеялась Лара. — Все у нас отлично, не волнуйся.

Ольга допила чай.

— Чернослив на месте, но на этот раз они про мед забыли. Несчастье случилось в августе. Девятого у Сережи был день рождения. Мы с ним утром поехали в магазин, купили

ему подарок, пару тортов. Сын позвал деревенских друзей в гости. Я позвонила Ларе, она весело так воскликнула: «У нас все отлично, позови Сергуньку». Подруга поздравила мальчика, пообещала, что подарок от нее он получит в конце августа, когда в Москву вернется.

Булкина отвернулась к окну.

— Кто мог знать, что это наш последний разговор!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Все в порядке? — спросил официант, подходя к столику.

— Нет, — резко ответила дама.

— Чернослив там точно есть, — сказал юноша.

— Насчет этого не спорю, — нахмурилась Ольга, — а где мед?

— При мне его клали! — заверил парень.

Ольга взяла пустой бокал, плеснула туда напиток и протянула парню.

— Попробуйте.

— Нам запрещено брать угощение от гостей, — запротестовал официант.

— Управляющего сюда! — прошипела Ольга.

— Ой, ну зачем, — испугался парень, — сейчас выпью.

— Поздно решил, — побагровела Булкина.

Я молча наблюдал за тем, как развивались события. Вскоре Ольге Михайловне подали новый чайник с напитком, и к нему комплимент от заведения — блюдо с печеньем. Моя потенциальная клиентка сделала глоток из чашки и кивнула.

— Теперь порядок. Понимаете, Иван Павлович, если я плачу деньги за чай, то это должен быть именно чай, а не непонятно что. А вот если я прошу напиток бесплатно, тогда буду благодарить и кланяться даже за сырую воду. Ну да мы отвлеклись от основной темы. Вернулась я в Москву двадцать девятого августа. Сережа у меня был готов к школе, я купила ему все в торговом центре под Москвой. Там народу не было, а ассортимент обширный. И, конечно, я позвонила Ларе, но никто трубку не брал. Я занервничала, побежала к ней. Путь был недолог, мы жили в соседних домах. Поднимаюсь на ее этаж. Мама родная! Дверь опечатана. Я чуть в обморок не упала. Начала звонить соседям. Слева жила Нина, но ее дома не оказалось. Справа Вера Павловна, пожилая совсем, она теперь уже давно на том свете. Она открыла дверь. Я кричу:

— Тетя Вера!

Она в ответ:

— Вы кто, я плохо вижу!

Кое-как мы с ней потолковали. Но бабка ничего не поняла, у нее и с глазами, и со слухом была беда. Единственное, что она сообщила: к Ларисе приезжала милиция. Несколько дней опера туда-сюда ходили. И все умерли.

Я ничего не поняла. Кто умер? Милицейские?

— Нет, — говорит бабуля, — Лара и ее дети. Все покойные.

Представляете мое состояние?

Ольга Михайловна взяла печенье.

— Я упорная, поэтому помчалась в милицию и все выяснила. Но лучше бы мне правду никогда не знать!

Ольга содрогнулась.

— Побеседовала я со следователем. Он рассказал, что случилось. Алик заплакал, Тата подошла дать ему соску, увидела, что братик обкакался, решила его помыть. Благое намерение! Но, как известно, ими дорога в ад вымощена. Девочка раздела ребенка, ополоснула и уронила. Прямо на пол! Много ли крошке надо? Перелом основания черепа. Когда Лариса выяснила, что произошло, она стала бить дочь, ударила ее по голове, попала в висок. Тата рухнула навзничь. Понимаете? Лара решила, что убила дочь, и выпрыгнула из окна. Квартира была на пятом этаже. Шансов выжить ноль.

Собеседница умолкла, а меня охватило недоумение.

— Мальчик умер, девочка тоже, мать погибла, кто же рассказал следователю, что произошло?

— Алик и Тата остались живы, — объяснила Булкина, — девочка и сообщила все следователю. Злого умысла в ее действиях не было, она просто хотела помочь матери и не удержала ребенка. У вас есть дети?

— Я не состою в браке, — ответил я.

Ольга Михайловна улыбнулась.

— Если бы у меня была дочь, я могла бы открыть на вас охоту. Мужчина, который считает, что дети появляются на свет только в законном браке, нынче большая редкость. Вот такая печальная история. Лариса всегда отличалась импульсивностью и катастрофическим мышлением. Приходим мы на урок, учительница внезапно объявляет:

— Сегодня пишем сочинение.

Все спокойно берут листочки, Лару трясет, как мокрую курицу в проводах, она бледнеет, потеет, у нее дрожат пальцы, она лепечет:

— Я получу два! Мать меня убьет! О сочинении не предупредили. Я не справлюсь. Останусь на второй год!

Заведет себя так, что голову теряет, и, конечно, получает плохую оценку. Лариса хо-

рошо себя чувствовала, только если ее жизнь шла согласно ею составленному расписанию. Любое отклонение вызывало у нее панику, истерику. До смешного доходило. Идем мы один раз с ней по улице, видим кинотеатр, я говорю:

— Ларка! Смотри, билеты есть, пошли на сеанс.

У нее на лице испуг.

— Нет, нет!

Я в изумлении спрашиваю:

— Почему?

Ответ был великолепен:

— Мы собрались в субботу в кино идти, а сегодня среда.

Я смеюсь:

— Лариска, вдруг в выходной мест не окажется и в очереди стоять придется. А сейчас в кассе никого, время есть. В субботу чем-нибудь другим займемся.

Но Лара тупо бубнит:

— Нет.

Я ее трясусь:

— Объясни причину отказа.

Подруга в слезы:

— Неужели непонятно? Мы решили пойти в субботу. Я морально настроилась, все распланировала. Сегодня не готова идти в кино.

Ольга Михайловна открыла сумку.

— Скажи она мне: «Я не причесана, сниму шапку, а на голове шалаш», тогда никаких споров. Да масса причин есть для отказа: голова болит, неохота в душном зале сидеть, нет денег на билет. Это понятно. Но когда «морально не подготовилась», честное слово, это смешно. Ну и картина, которую тогда Лара увидела в ванной: голого Алика на полу, как она решила, мертвого, Тата рыдает, она ударила девочку, та рухнула как подкошенная — не для слабонервных. И сильная духом женщина от такого спянуть может. Это жуткий стресс. Добавьте к этому неспособность Лары противостоять даже незначительному изменению в жизни, и станет ясно, почему она покончила с собой. Тата осталась жива, Алик тоже. Ларе бы подождать приезда «Скорой», но она, как всегда, ударилась в панику и кинулась к окну, упала у входа в подъезд, а там были люди. Они сразу бросились в квартиру Лары. Дверь оказалась не заперта, в ванной нашли детей без сознания. Я потом хотела взять их к себе, ходила в опеку, но из-за того, что я состояла тогда на учете в туберкулезном диспансере, мне отказали.

— Это серьезная болезнь, — заметил я.

Ольга Михайловна махнула рукой.

— Случилась ошибка. Я ничем таким не болела. Явилась в опеку, а мне инспектор сказал:

— У вас есть сын, но нет мужа. Детей Гранкиной двое. Вы станете многодетной матерью. А материальное положение у вас шаткое, постоянной зарплаты нет. Сегодня есть клиенты, завтра их не будет. Сомневаюсь, что вам отдадут ребят. Но собирайте документы, можете попытаться.

И я стала бегать по инстанциям. В психоневрологическом и кожном диспансерах справку о том, что я на учете не состою, выдали без писка. А в туберкулезном вдруг заявили:

— Вы больны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ольга сдвинула брови.

— Мне пришлось несколько месяцев добиваться правды. Я с трудом выяснила, что в регистратуре допустили ошибку. Я Ольга Михайловна Булкина. А у них была больная Ольга Михайловна Булакина. Тот, кто оформлял карточку, букву «а» пропустил. И как вам это?

— Безобразие, — оценил я ситуацию.

— Еле-еле удалось их косяк исправить, — вздохнула собеседница, — но детей мне не отдали.

— Вы не подошли из-за материального положения, — догадался я. — Но, наверное, вы стали общаться с ними, когда они выросли.

— Алик умер в больнице, — опять вздохнула Булкина, — он там несколько месяцев лежал и все-таки не выжил. А Тату удочерили. Я пыталась узнать фамилию и адрес ее новых родителей, но не удалось.

— Грустная история, — сказал я, совершенно не понимая, зачем Булкина мне ее рассказала.

Ольга вздернула подбородок.

— После смерти Ларисы дела мои пошли в гору. Появились клиенты с деньгами, со связями. Я открыла клинику оздоровления кармы и исправления кривой судьбы.

Я кивнул. Наверное, в Москве хватает идиотов, которые пытаются исправить свою судьбу с помощью магии, волшебной палочки, гадания на кофейной гуще, — конечно, получить высшее образование и найти достойную работу труднее.

— Клиентов много, — говорила тем временем Булкина, — мое материальное положение стабильно. У меня собственный дом. Все хорошо.

Она замолчала, я утомился слушать ее историю, поэтому решил поторопить события.

— Приятно слышать, что ваша судьба складывается удачно. Но зачем вам понадобился детектив?

Булкина оглянулась по сторонам и понизила голос:

— Алик мне пишет.

На секунду я растерялся, не понял, о ком идет речь, а потом сообразил.

— Алик? Покойный мальчик?

— Да, — подтвердила дама.

— Но он умер, — пробормотал я.

— Верно, — сказала Булкина, — но он шлет мне послания.

— Если я правильно вас понял, мальчик скончался в пеленочном возрасте, — продолжил я совершенно идиотскую беседу, — а там, где он находится сейчас, нет интернета.

— Что есть на том свете, никому точно не известно, — заявила Булкина.

Мне пришлось согласиться:

— Вы правы. Просто я хочу сказать, что умерший ребенок не может писать послания. Он не обучен грамоте...

Я умолк, право, не стоило объяснять Ольге, по какой причине давно умерший малыш не может писать ей на имейл.

— Я что, похожа на идиотку, которая верит в привидения? — взвилась Булкина.

Я не стал восклицать: «Но ведь экстрасенсы постоянно общаются с призраками!» — а поспешил ее заверить:

— Конечно, нет. Вас шантажирует мошенник. Чего он хочет?

— Угадайте с трех раз, — буркнула яснови-
дящая.

— Денег? — предположил я.

— В точку! — сказала Ольга Михайловна.

Я навострил уши.

— Чем он мотивирует просьбу о матери-
альной помощи?

Булкина дернула плечом.

— Просто пишет: «Помогите сироте». Сла-
ва богу, я пока еще не сошла с ума. Понимаю,
что ко мне обращается вымогатель.

Я отодвинул пустую чашку на край стола.

— В Сети многие сейчас занимаются побо-
рами. Там орудуют мошенники самого омер-
зительного типа, они берут фото умершего от
тяжелой болезни ребенка, создают фейковую
страницу и просят выслать средства якобы
на его лечение. В последнее время появилась
масса бездельников, которые клянчат: «При-
шлите мне один рубль на осуществление меч-
ты, если каждый пользователь инстаграма от-
правит маленькую сумму, я смогу купить себе
велосипед».

— Если каждый из тех, кто зарегистри-
рован в инстаграме, расстанется всего лишь
с одним целковым, то мерзавец купит завод
по производству великов плюс алмазные ко-

пи, — разозлилась Ольга. — Мой побирושка хочет купить квартиру в Москве. В Центральном округе. Небольшую, метров триста.

— У христарадника¹ волчий аппетит, — усмехнулся я. — Что у него на вас есть? Какой компромат?

— Ни-че-го! — по складам произнесла Ольга Михайловна. — Моя жизнь — открытая книга без страшных тайн. Мама и папа рано скончались, но у них была прекрасная репутация. В моей биографии было два законных супруга и несколько мужчин, с которыми я состояла в отношениях. Все они во время нашей связи были неженаты. Я не ловлю рыбу в чужом аквариуме. Сын мой тоже не имеет постыдных тайн, он моя гордость и радость. Отлично учился, стал прекрасным специалистом... Его очень ценят за рубежом, постоянно приглашают на симпозиумы. Найдите «Алика», оторвите ему обе руки, чтобы ему нечем было по клавиатуре стучать!

— Кто из посторонних знает о том, что случилось с Ларисой? — спросил я.

Ольга посмотрела на свой телефон, у которого беззвучно мигал экран.

¹ В старину нищие, подходя у церкви к богатому человеку, говорили: «Подайте, Христа ради». Поэтому их называли христарадники. Нынче слово устарело, но его употребляют воцерковленные люди и такие эрудиты, как Подушкин.

— Из тех, кто жив, — только я.

— А ваш сын? — спросил я. — Он в курсе?

— В год трагедии Сергей был ребенком, — пояснила Ольга, — он в сентябре во второй класс пошел. Естественно, его не ставили в известность. У детей короткая память, мальчик быстро забыл совместные игры с Татой, из памяти ее вытеснил.

— Общие подруги с Ларисой? — предположил я.

— Лара тесно общалась только со мной, — ответила Булкина.

— От кого тогда компьютерный мошенник узнал, что у вас была подруга Лариса, а у нее произошла трагедия с детьми?

Ольга Михайловна сказала:

— Понятия не имею.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Давно умерший младенец решил потребовать себе квартиру? — переспросил Борис. — На мой взгляд, это странно.

— У нее... — начал я, но меня прервал звонок в дверь.

Борис встал и поспешил в прихожую. Я погладил голову Демьянки, которую она положила мне на колено.

— Дорогая, я вижу взгляд, полный страданий. Кто-нибудь другой принял бы тебя за умирающую от голода псину. Но я-то отлично знаю, что ты получила утром полную миску мясных консервов наилучшего качества. Потом вы, милостивая государыня, занялись разбоем и стянули со стола сдобное печенье. Поэтому не стоит сейчас смотреть голодным взглядом на творение Бориса — творожный кекс, я уверен, что он вам не достанется.

— Вава! — долетел из коридора резкий голос Николетты. — Ты готов?

Я вздохнул. Готов? К чему?

— Надеюсь, ты не забыл, что мы сегодня идем в оперу? — продолжала маменька.

Не забыл? Конечно, забыл.

— Иван Павлович одевается, — лихо соврал Боря. — Соблаговолите чайку выпить?

— Ладно, — смиловилась Николетта, — только руки помою!

Послышался стук каблуков, дверь в кабинет приоткрылась.

— Иван Павлович, — прошептал батлер, — коридор свободен.

Я молодым орлом полетел в свою спальню и со скоростью юного гиббона натянул на себя сорочку, пиджачную пару и предназначенные для похода в театр штиблеты. Ступни с трудом влезли в ботинки. Сначала я удивился: что

случилось с обувью? Я уже не в том возрасте, когда раз в три месяца туфли становятся малы. Но потом сообразил: театр последний раз я посещал примерно год назад, ваш покорный слуга — не завязтый театрал. Башмаки стояли на распорках, но даже при надлежащем хранении кожа усыхает.

Я успел выйти в холл до того, как там появилась маменька. Едва я приблизился к вешалке, как входная дверь распахнулась и на пороге во всей своей красе возникла Ирэн Львовна, мать Олега Котина, моего соседа и друга.

— Ванечка! Ты красавец, — воскликнула она. — А где Ники?

— Здесь, — закричала маменька, влетая в прихожую. — Дорогая, ты сногшибательна в этом наряде.

— Ой, спасибо за комплимент, — расцвела Ирэн, — право, это старенький костюм. Шанелька прошлых лет, память о поездке в Париж с Олежкой.

Я взял ключи от машины. Ирэн регулярно летает в столицу Франции, у нее там есть квартира. «Шанелька прошлых лет», скорей всего, сшита недавно на заказ лучшими мастерицами модного дома. Котина отлично знает, что хвастаться обновками от дорогих брендов — дурной тон, так себя ведут только нувориши. Ирэн никогда не щеголяет фирменными зна-

ками, просит не пришивать их на виду, а еще лучше — вообще не притачивать. Те, кто разбирается, поймут, и кем сшит, и сколько стоит наряд.

— Даму украшает скромная элегантность, — любит повторять Ирэн, — большие деньги о себе не кричат. Все в метро едут с эксклюзивными сумками от «Луи Виттон» стоимостью в приличную квартиру. Право, это смешно. Эти аксессуары приобретают, когда уже все есть. Если ты в восемь утра зеваешь в переполненном вагоне подземки, то даже мужчине станет понятно, что твоя сумка подделка. Обладательницы настоящих ридикюлей ездят в собственных автомобилях, а не втискиваются в вагон метро на станции «Ближние лесные чащи». Они даже про такой район не слышали, для них мир ограничен Рублево-Успенским и Новорижским шоссе.

Мне импонирует выражение про скромную элегантность, но есть нюанс. Облачившись в костюм от «Шанель» без опознавательных знаков, Ирэн украшает себя пудовыми бриллиантами, сапфирами и рубинами. Ее скромность распространяется только на одежду, драгоценности — особая статья. И обувь тоже. Сейчас на замшевых туфлях Котиной вместо пряжек блестят буквы GG, и мне понятно, что за лодочки заплатили немалую сумму.

— Вава! — окликнула меня Nicoлетта. — Выполни из своих мечтаний, очнись! Мы едем в оперу! Ты недоволен?

— Я счастлив, — вздохнул я.

— Ты говоришь это с видом белки, которую переехал велосипед, — рассердилась маменька, — а то я не понимаю, что ты не желаешь сопровождать нас! Положи ключи!

— Мы пойдем пешком? — изумился я. — Театр находится поблизости?

Nicoлетта повернулась к Котиной.

— Вот! Об этом я тебе и говорила! Слышу издевательства от Вавы по сто раз на дню!

Я опешил.

— Nicoлетта! Я и в мыслях не имел насмеяться над тобой!

— Да? — подбоченилась маменька. — А вопрос про поход пешком?

— Я задал его, решив, что театр рядом, — отбивался я.

— Полагал, что мы пойдем по улице ногами? — продолжала негодовать Nicoлетта.

— Дорогая, на руках нам точно не добратся, — хихикнула Ирэн, — не мучай Ванечку. Он, как все мужчины, мыслит, как пила.

— Как пила? — повторил я.

— Ну да, — кивнула Котина, — скажет, не подумав, и ни за что не признается, что смо-

розил глупость. Ни одна пила не признается: «Я тупая». Это чисто мужское качество.

Я открыл дверь. Конечно, не все представители сильного пола умны. И даже гениальный мужчина может ляпнуть нечто несуразное. Но только женщина способна сравнить человека с пилой, которая никогда не признается в своей тупости.

— Нам пора, — заявила Ирэн, — Володя уже заждался.

— Он тоже идет с нами? — вновь удивился я, услышав имя второго мужа маменьки.

— А кто, по-твоему, сидит за рулем? — снова нашла повод осерчать Николетта. — Я пока еще права не получила.

— У тебя есть шофер, — напомнил я.

— Его выгнали, — поморщилась Николетта, — он вонял! Супом! Котлетами! Печеньем. Едой! Нельзя пахнуть едой, когда хозяйка сидит на диете.

Последнюю фразу маменька произнесла, когда мы выходили на улицу, и я споткнулся о порог.

— Ты решила ограничить себя в питании? Это неразумно.

— У Николетты скоро будет не телосложение, а теловычитание, — хихикнула Ирэн, — а вот мне не мешает сбросить пару килограммчиков!

Обсуждая свой вес, дамы сели в машину на заднее сиденье. Я устроился на переднем ряду с водителем.

— Привет, Ваня, — поздоровался Владимир и шепотом продолжил: — Прими мои соболезнования по поводу похода в оперу.

— В принципе, я не прочь послушать хорошую музыку, — тихо ответил я.

— Мы едем на спектакль «Песнь коня Зигфрида», — уточнил Владимир.

— Не могу назвать себя фанатом оперного искусства, — признался я, — впервые слышу об этом произведении. Кто композитор? Пуччини? Верди? Моцарт? Россини? Беллини? Не дай Бог, Вагнер!

— Понятия не имею, — вздохнул отчим, — мы приехали.

— Театр и впрямь рядом, — пробормотал я.

Когда мы вошли в небольшое здание, Ирэн и Николетта ринулись к зеркалу. Мы с отчимом остались вдвоем.

— Ума не приложу, что Николетту сюда поволокло, — вздохнул Владимир, — театр смахивает на Дом культуры. Он, похоже, еще при советской власти построен.

— Вава! Ты пришел! — закричала Зюка, бросаясь ко мне. — Мальчик, я так рада, очень рада тебя видеть. Володя, чмоки-чмоки.

— Вава! — завопила справа Кока. — Котенок, и ты с нами. Володечка — поцелуйчик.

— Вава, — взвизгнула Мака, подсакивая к нам, — детонька, ты еще не замужем? Вова, не стой мрачной тумбой, улыбнись.

Я ухмыльнулся. Выйти замуж мне никак не удастся. Если судьба поступит со мной жестоко, то я буду вынужден в крайнем случае жениться.

— Вава! — запрыгала Ньюка. — Ты, как всегда, похож на сладкий леденец на палочке! Володя, а ты чем недоволен?

— Шобла вся в сборе, — вздохнул отчим, когда очередная подруженция Николетты отбежала от нас, — у них очередное суаре. Нет бы в своей компании им веселиться! Зачем я здесь? Зачем? Зачем???

Мне стало жаль отчима. Владимир искренне любит Николетту, прощает ей все. Он богат, поэтому маменька теперь не находится на моем иждивении. Я очень благодарен отчиму за то, что он снял с меня груз финансового бремени. Отчим моложе жены, у нас с ним прекрасные отношения. В чем-то мы похожи. Владимир не любит гостей, он всегда старается зарыться в песок, когда Николетта устраивает очередное суаре. Как правило, он появляется в начале вечера, всем улыбается, раздает дамам комплименты, мужчинам рукопожатия,

фланирует минут двадцать среди гостей, а потом испаряется. Хозяин дома сделал свое дело, всех поприветствовал, хозяин может уйти. Как-то раз мы с ним стояли вместе с Кокой, Макой и еще с кем-то, вели светскую беседу об искусстве, дамы активно обсуждали, являлся ли Моцарт геем или слухи о его нетрадиционной ориентации просто сплетни. Внезапно у нас с отчимом почти одновременно ожили мобильные.

— О! — воскликнул Владимир. — Непредвиденный поворот. Сейчас приеду.

— Так, так, — протянул я. — А полицию вызывали? Уже мчусь.

— Только не говорите, что едете на работу, — возмутилась Кока.

Владимир пожал плечами.

— Бизнес непредсказуем!

— Клиент попал в трудную ситуацию, — объяснил я.

Мы с отчимом слаженно ретировались с вечеринки и оказались во дворе.

— Я плачу мужику, который звонит мне в определенный час и вешает трубку, услышав, что ему ответили, — подмигнул мне Володя, — я не могу находиться в обществе Зюки, Коки, Люки и прочих более получаса.

— А мне звонит Борис, — признался я, — всегда стараюсь удрать с суаре побыстрее.

Но сегодня применить этот трюк — быстро улепетнуть — не удастся. Мы будем сидеть в зале, придется выключить телефоны.

— Три часа в опере, — простонал Владимир, — в окружении заклятых подруг жены я не выдержу.

— Уходи, — посоветовал я.

— Николетта обидится, — вздохнул отчим.

— Я останусь, прикрою тебя, — пообещал я.

— Спасибо, Ваня, за великодушное предложение, — сказал Владимир. — Но как удрать-то?

Меня осенило.

— Я знаю способ. Тут наверняка есть буфет. Вам очень дорог пиджак, который вы сегодня надели?

— Да нет, — удивился Володя.

— А рубашка? — допытывался я.

— Она отнюдь не сакральная, — ответил отчим.

— Выбирайте, что вам меньше жалко: сорочку или сюртук? — спросил я, входя в буфет. — О! Тут варят кофе! Прекрасно.

— Ваня, остановись, — попросил отчим, видя, что я направился к барной стойке. Но я уже заказал тройную порцию холодного кофе и, вернувшись к столику, за которым устроился Володя, спросил:

— Так как? Рубашка? Пиджак? Что вам дороже?

— Я равнодушен к одежде, — признался Володя.

— Вот и хорошо, — обрадовался я, выливая кофе на грудь отчиму, — и на пиджак немного попало, и рубашке конец!

Он открыл рот, потом закрыл.

— Вот вы где! — закричала Николетта, — ушли, не сказав куда! Уже в зал приглашают! Владимир!

— Да, дорогая? — ответил отчим.

— На кого ты похож! — пришла в негодование маменька.

— Вроде с утра в зеркале выглядел нормально, — ответил супруг.

— Ужас! — взвизгнула Николетта. — Что с твоим костюмом?

— Прости, это моя вина, — включился я в беседу, — случайно облил Володю кофе.

— Ни секунды не сомневалась, что это свинство — твоих рук дело, — зашипела маменька, — от тебя сплошные неприятности. Страданий, которые я перенесла, пытаюсь слепить из тебя человека, хватило бы на сотню родителей.

— Не волнуйся, милая, я не простужусь, — прервал ее отчим, — сейчас все высохнет. Ваня, возьми ключи от машины, я вызову шофера с другим авто.

— Вы оба — мой позор, — отрезала маменька. — Владимир, в таком виде в зал идти нельзя. Немедленно уезжай домой. Сделай так, чтобы тебя никто не видел. Вава, ты идешь со мной! Живо!

Николетта схватила меня за руку и потащила за собой. На пороге буфета я обернулся. Владимир, который по-прежнему находился за столиком, помахал мне рукой. На его лице сияла счастливая улыбка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мне досталось место по правую руку от Николетты, с другой стороны устроилась старушка с биноклем. Прежде чем сесть, она осведомилась:

— Молодой человек, около вас свободное кресло. Ждете кого-то?

— Нет, — улыбнулся я, — тот, кому оно предназначалось, ушел.

Бабуля села в кресло, погас свет, и луч прожектора выхватил на сцене длинного мужчину в неопрятном свитере и джинсах.

— Это Петенька, — громко произнес женский голос.

Присутствующие заплодировали. Николетта толкнула меня локтем в бок.

— Сообразил?

— Нет, — ответил я и хотел уточнить, что она имеет в виду.

— Перед нами Петя, — зашептала Николетта, — он написал эту оперу. Слушай внимательно, не приставай ко мне с разговорами. Это неприлично!

— Мадам, вы мешаете мне наслаждаться музыкой, — вознегодовала старушка.

Говорить маменьке, что я ее не трогал, она сама начала беседу, не стоило. Равно, как не стоит объяснять бабушке, что до оркестра пока дело не дошло. Я попытался сосредоточиться на словах неизвестного мне до сего дня Петра. А тот говорил и говорил, явно не собираясь замолчать. Я посмотрел на часы, прошло пятнадцать минут, а Петр все вещал:

— Вязкость мелодии нарочита, она символизирует глубинное несогласие психологического эго главной героини с ее внешним бессознательным уродством. Трансцендентность действия...

Я услышал мерное сопение, скосил глаза в сторону и увидел, что Николетта и Ирэн, сидевшая рядом с маменькой, мирно спят. Мои веки тоже стали слипаться. И тут бабулька подергала меня за рукав пиджака.

— Молодой человек, Петр не очень понятно говорит, что такое тран... сци... де... как-то так...

— Трансцендентность, — не открывая глаз, прошептал я, — то, что принципиально недоступно опытному познанию, выходит за пределы чувственного опыта. В широком смысле этот термин понимается как «потустороннее», то, что находится по другую сторону человеческого бытия. Противоположное трансцендентности — имманентное, находится по эту сторону бытия. Познанием трансцендентного занимаются религия и метафизика...

— А-а-а! — закричал кто-то.

Я вздрогнул, открыл глаза и понял: то, что я принял за вопль ужаса, было пением. На авансцене стояла весьма тучная особа и издавала ужасающие звуки. Но меня удивило не жуткое пение, иногда, тоскуя в «пробке», я включаю радио и слушаю песнопения разных современных артистов. Кое-кто поет прекрасно, но порой слышишь такое исполнение, что уши сворачиваются трубочкой.

Голос корпулентной тетушки, которая отчаянно пыталась взять высокие ноты, но, увы, терпела неудачу, меня не удивил. Меня смутил ее внешний вид.

— Молодой человек, что у нее на голове? — поинтересовалась бабуля. — Я не вижу!

— Корона, — ответил я и засомневался, — вроде.

— Венок, — уточнила Ирэн.

— Диадема, — возразила Николетта. — Мне кажется или она голая?

— Похоже, на певице нет одежды, — подтвердила Ирэн.

— А что у нее с фигурой? — спросила старушка. — Вроде... э... ну... Молодой человек, что на ней надето?

— Ничего, — отрезала Николетта.

Старушка решила поставить госпожу Адилье на место.

— Любезная, я спрашивала мнение мальчика.

— Это мой мальчик, — отбила подачу Николетта.

— Ох, простите, — смутилась пожилая дама, — мне одной некомфортно, вот я и подседа к вам. Не хотела помешать.

— Все в порядке, — успокоил я бабуку.

— А где музыка? — поинтересовалась Ирэн.

— Это опера в капле, — заявила бабуся.

Николетта повернулась к ней.

— В капле?

— Да, да, — подтвердила старушка, — Жанна Николаевна.

— Мы не туда попали! — занервничала Николетта. — Кока сообщила другое название спектакля. Не «Жанна Николаевна».

— Кока, Зюка, Люка, Мака, Ньюка и все здесь, — зашептал я, — мы определенно в нужном месте.

— Она совсем голая! — подпрыгнула Николетта.

Между моим плечом и рукой маменьки просунулась голова сидящего сзади.

— Молодые люди...

— Простите, не хотели вам помешать, — извинился я, — сейчас замолчим.

— Нет, нет, вы так интересно беседуете. Я как раз за вами сижу. Смотрела, смотрела на сцену, глазам своим не верила. Таки она голая?

— Как я, когда из ванны вылезаю, — заявила маменька и обернулась. — Дюка! Это ты! О-о-о! Сто лет не виделись! Я думала, ты с Маркушей в Лучано.

— Маркуша в Лучано с новой бабой, а я в Москве, — объяснила Дюка, — он подонок! Ушел от меня к модельке.

— Мразь! — припечатала неизвестного мне мужика маменька.

— Негодяй! — отрезала Ирэн. — Дюка, ты прелестна. Молода. У тебя все будет хорошо.

— Сволочь просто, — подключилась к беседе старушка, — Дюка, мой сын не женат.

— А кто у нас сын? — поинтересовалась Дюка.

— Продуктами торгует, — ответила бабуля.

— А-а-а, — разочарованно протянула Дюка. — На рынке?

Ирэн решила вернуть присутствующих к спектаклю:

— Опера называется «Песнь коня Зигфрида», а не «Жанна Николаевна».

— Слушаю вас, дорогая, — сказала старушка.

— Опера называется иначе, — повторила Котина, — не «Жанна Николаевна».

— Внимательно вас слушаю, — ответила бабуся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

И тут меня осенило.

— Вы Жанна Николаевна!

Пожилая дама посмотрела на меня.

— Да, любезный друг.

— У вас красивое имя, — пробормотал я.

— Это не название оперы, так бабушку зовут, — свистящим шепотом объяснила кому-то за моей спиной Дюка, — да, певица голая. Да, совсем. Почему нет музыки? Никки, почему она воет без оркестра?

— Дорогая, откуда мне знать, — фыркнула маменька.

— Люка сказала, что мать автора сидит в первом ряду на седьмом месте, — объяснила Дюка. — Похоже, это ты! На твоём кресле эта цифра указана.

— Да никогда! Я что, по-твоему, старуха? — возмутилась Николетта. — Мой сын еще ребенок.

— Извини, извини, — зачастила Дюка, — Люка, как водится, все перепутала.

— Опера написана в капле, — снова произнесла загадочную фразу бабуля.

Меня опять осенило:

— А капелла! Пение без инструментального сопровождения.

— Ну да, — согласилась Жанна Николаевна, — ее автор — мой сын Петенька.

— Тот, у которого магазин на рынке? — не удержалась от ехидства Николетта.

— Да, да, — обрадовалась бабуля, — у него тьма рынков, супермаркетов, банков, автосалонов, еще какой-то интернет у сыночка. Сто раз ему говорила: «Детка, не распыляйся!» Но он молодой, ему всего пятьдесят лет, поэтому ретивый. Теперь вот его в искусство потянуло, сам придумал, сам на свои деньги представление устроил.

Мои соседки замолчали, а я увидел, что теперь на сцене поют «в каплю» три голые тетки. За спиной послышалось шуршание.

— Петр Достоевский-Чайковский, так в программке написано, это ваш сын? — осведомилась Дюка. — Здесь указано: «Автор ли-